

УДК 332(571.6)+339.5(470:510)

Spatial Development East of Russia and the Russian-Chinese Economic Relations

Vyacheslav E. Seliverstov**Institute of Economics and industrial engineering of SB RAS
Russia, 630090, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva, 17*

Received 15.12.2014, received in revised form 15.01.2015, accepted 16.02.2015

At present, the development of Russia's East including its northern and Arctic territories is essentially corporate and sectoral. The problem is lack of system spatial development policy that takes into account possible climate change, military-political and environmental aspects and the appearance of new efficient technologies and approaches for nature management. The paper presents the Russia's potential assessment using the "Arctic Nations Triangle Index". It is shown that cooperation with China focused on the natural resources supply may conflict with the purpose to modernize Siberian economy.

Keywords: spatial development, international cooperation, the Siberian economy modernization and Russian-Chinese cooperation.

Research area: economics.

Пространственное развитие Востока России и российско-китайские экономические связи

В.Е. Селиверстов*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
Россия, 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17*

В настоящее время освоение Востока России, включая его северные и арктические территории, имеет корпоративный и отраслевой характер. При этом фактически отсутствует системная политика пространственного развития, учитывающая возможные климатические изменения, военно-политические и экологические аспекты, появление новых эффективных технологий природопользования. В статье представлена оценка потенциала России с использованием «Треугольного индекса арктического богатства». Показано, что сотрудничество с Китаем, ориентированное на поставку природных ресурсов, может противоречить задачам модернизации экономики Сибири.

Ключевые слова: пространственное развитие, международное сотрудничество, модернизация экономики Сибири, российско-китайское сотрудничество.

Научная специальность: 08.00.00 – экономические науки.

При оценке тенденций, перспектив и эффективности развития Сибири важное значение имеют пространственная конфигурация социально-экономической системы Сибири в контексте эффективной пространственной стратегии России и роль российско-китайских экономических связей в модернизации экономического пространства Сибири. Выскажем нашу позицию по этим вопросам.

Новый этап реализации концепции

«сдвига на Восток»:

пространственная конфигурация

В ежегодном (2014 г.) Послании Федеральному собранию Президент РФ В.В. Путин отметил, что подъем Сибири и Дальнего Востока – это главный национальный стратегический приоритет страны в XXI веке. Был провозглашен целый пакет мер (преференции, налоговые льготы и т.д.), которые должны дать импульс развитию этой территории.

В то же время реализация установки на подъем Сибири и Дальнего Востока как главного стратегического приоритета России в XXI веке не может происходить равномерно по всей огромной территории Востока страны, здесь должны выделяться особые зоны концентрации внимания государства и его инвестиционной политики. В этой связи мы рассматриваем три вектора пространственного развития восточных районов:

- северный вектор – Север и Арктика как зона особых стратегических интересов России;
- восточный вектор – Дальний Восток и часть Восточной Сибири как географический ареал обозначенных в по-

следний год пространственных приоритетов государства;

- центрально-сибирский вектор – развитие Южно-Сибирского и Центрально-Сибирского мезорегиона как основа новой индустриализации востока страны.

Начнем с **Севера и Арктики**. Сравнение прошлых и настоящих тенденций, а также перспектив развития до 2030-2040 гг. позволяет сделать вывод о сдвиге экономической активности на Север и в Арктику и о том, что в последние годы эти процессы заметно интенсифицировались.

Однако, несмотря на важность этих инициатив и крупных инвестиционных проектов, реализуемых в циркумполярных широтах, пока они слабо увязаны друг с другом и носят, как правило, корпоративный или ведомственный характер. Именно поэтому нужны новые системные решения и новые управленческие технологии, воплощенные в целостной стратегии развития Севера и Арктики России и в соответствующей государственной политике. И здесь необходимо учесть и использовать серьезные уроки северного и арктического развития, которые вытекают из мирового опыта:

- учет новых драйверов развития глобальной Арктики: климатических изменений; возрастающей экономической активности в высоких широтах; процессов глобализации;
- новая интерпретация и трактовка безопасности в Арктической зоне. Безопасность в Арктике все меньше становится делом только военных;
- учет последствий разработки и реализации национальных арктических

стратегий. Так, наш анализ показал, что федеративные и унитарные полярные страны по-разному воспринимают арктические риски и разрабатывают различные институты защиты от них;

- необходимость использования новых механизмов недропользования и новых ресурсных режимов на Севере и в Арктике;
- исключительная важность поиска и реализации эффективных моделей управления, адаптированных к северным и арктическим широтам.

Все отмеченные уроки указывают на то, что в предстоящий период освоение российского Севера и Арктики в контексте реалий мировой экономики и политики неизбежно будет требовать реализации новой арктической политики. Здесь целесообразно тщательно изучать зарубежный опыт и улучшить те компоненты северного и арктического развития, где Россия отстает, – это четко видно на примере анализа «Треугольного индекса арктического богатства» (табл.).

Треугольный индекс состоит из 45 индикаторов. Каждый из трех блоков сводного индекса – ресурсы, инфраструктура, общество – описывается 15 показателями. Внутри ресурсного блока пять индикаторов характе-

ризуют состояние возобновляемых ресурсов Арктики, четыре – невозобновляемых, шесть описывают состояние природной среды. Внутри инфраструктурного блока шесть показателей оценивают положение инфраструктурных объектов, четыре – информационных систем, пять – систем управления. Внутри блока «общество» четыре индикатора характеризуют население, пять – сферу образования и здравоохранения и шесть индикаторов оценивают экономические параметры развития территории.

Треугольный индекс богатства характеризует не только три основных драйвера развития полярных территорий мира, но и то, в какой степени они сбалансированы между собой. Наиболее устойчивой является ситуация равностороннего треугольника, т.е. когда блоки ресурсов, инфраструктуры и общества имеют сопоставимую степень развитости. Понятно, что в этом случае и риски несбалансированного развития минимальны.

45 исходных показателей, сгруппированные по трем сторонам треугольного индекса богатства, после процедуры нормирования позволяют дать как ранговую, так и совокупную балльную оценку богатства арктических наций. Восьмой ранг среди всех полярных стран означает максимальное богатство по

Таблица. Нормализованные ранги стран по блокам Треугольного индекса

	Ресурсы	Общество	Инфра-структура	Общий ранг (оценка)
Арктика России	8	2	2	4 (162)
Арктика Канады	7	1	4	3 (158)
Арктика США (Аляска)	6	3	5	6 (163)
Арктика Норвегии	5	8	6	8 (178)
Гренландия	4	5	1	2 (150)
Исландия	3	7	3	1 (149)
Арктика Швеции	2	6	8	7 (169)
Арктика Финляндии	1	4	7	5 (162)

данному блоку показателей; с другой стороны, ранг в единицу означает минимальный уровень богатства среди восьмерки полярных стран.

Неудивительно, что Россия занимает приоритетный восьмой ранг по уровню ресурсного богатства. Однако по уровню развития инфраструктурных систем и социальной сферы ее позиции существенно скромнее.

Таким образом, природное богатство не гарантирует высокого места страны в совокупном рейтинге. Важнее именно устойчивые передовые позиции одновременно по всем сторонам треугольника. Именно они обеспечили лидерство Норвегии среди всех полярных стран в Треугольном индексе богатства.

Второй вектор современного пространственного развития – путь на Дальний Восток.

Кардинальный поворот центральной власти к проблемам развития Дальнего Востока является актуальным и вписывается в стратегические направления модернизации экономического пространства страны. Однако эти процессы, системы мероприятий, предлагаемые инвестиционные программы и проекты должны быть тщательно обоснованы для снижения потенциальных рисков и угроз. В этой связи выскажем ряд проблемных вопросов реализации «восточного вектора» пространственного развития страны.

Во-первых, ключевым во всех этих действиях является все-таки Дальний Восток, а не Сибирь. Правда, из Послания В.В. Путина Федеральному собранию неявно можно понять, что эти преференции коснутся и Восточной Сибири, но, скорее всего, в существенно меньшей степени.

Во-вторых, за непреложную истину воспринято утверждение премьера Д.А. Медведева о том, что из всех сценариев развития Дальнего Востока единственно возможный и

реальный – это ориентация на внешний рынок стран АТР. Однако при этом не учитывается, что далеко не исчерпаны резервы интеграционных взаимодействий Сибири и Дальнего Востока, что продукция этого макрорегиона также востребована и на внутреннем рынке, что дальневосточную продукцию вовсе не обязательно вести до западных границ страны.

В-третьих, в планах государства – ориентация на развитие несырьевых производств на восточных рубежах страны. Конечно, это соответствует курсу на модернизацию экономики России за счет развития инновационных производств и снижения зависимости от сырьевой ориентации. Однако нужно быть реалистами. Серьезным барьером такого развития является дефицит квалифицированных кадров в дальневосточных районах, для ликвидации которого требуются неординарные меры государственной поддержки.

Таким образом, следует признать, что в планах государства речь идет не о комплексном развитии Сибири и Дальнего Востока, а о проникновении сырьевых корпораций на новые азиатские рынки. Территории Востока России рассматриваются здесь попросту как необходимый пространственный плацдарм.

Планы государства по подъему Востока России сводятся в таком случае исключительно к поддержке крупного бизнеса. В стратегических замыслах государства по развитию Дальнего Востока мало говорится о решении социальных проблем, о создании особых условий для малого и среднего бизнеса, о решении экологических проблем и в целом – о создании здесь среды, благоприятной для проживания. Озвученная Полномочным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутневым инициатива по бесплатной «раздаче» на Дальнем Востоке всем желающим по 1 га земли, на

котором можно заниматься сельским хозяйством или частным предпринимательством, вряд ли будет способствовать привлечению и закреплению здесь населения. Как отмечает д.г.н. Н.В. Зубаревич, на Дальнем Востоке проблем с землей нет, но нет инфраструктуры и существуют огромные проблемы с дорогами, тепло-, водо- и электроснабжением. Порог рентабельности ведения эффективного фермерского хозяйства на Дальнем Востоке достигим при участке в 100 га, минимум 50 га (<http://www.chzr.ru>). Большинство экспертов рассматривают эту инициативу как очередную пиар-акцию.

Таким образом, Сибирь в «восточном векторе» практически не участвует: в проектах задействован только ее небольшой сегмент (Восточная Сибирь, Забайкалье, отчасти территории, где расположены нефтяные месторождения). Его конечная цель – экспорт энергоносителей, за счет чего должен пополняться федеральный бюджет.

Перейдем к третьему очень важному вектору пространственного развития страны, а именно – к целесообразности и возможности в Южно-Центральной Сибири **нового центра экономической активности России**. Наш анализ показал, что в южно-центральной части Сибири начался процесс формирования межрегионального (Новосибирская область – Томская область – Красноярский край) инновационного кластера, основы которого были заложены еще в советский период. Здесь сейчас созданы все основные институты инновационного развития. Его влияние на изменение традиционной специализации сибирского макрорегиона в последние годы становится все более ощутимо. В рамках этого кластера реализуются практически все новые институты развития (технопарки, особые экономические зоны, технологические платформы и др.), и

это становится важным вектором модернизации экономики всей Сибири. Более того, в южной зоне Сибири роль и влияние этих институтов развития выше, чем по России в целом. Значительный потенциал экономического роста этого мезорегиона связан с рождением на новой основе предприятий ВПК, расположенных в Новосибирске, Красноярске, Омске и способных производить высокотехнологичную продукцию двойного назначения.

Итак, тенденции последних лет и накопленный потенциал развития позволяют надеяться на формирование в южно-центральной широтном поясе Сибири мощного плацдарма для развития всего сибирского макрорегиона. Есть все основания говорить о формировании здесь **нового крупного центра концентрации экономической активности России**, который расположен в срединной части страны, демпфирует пространственный разрыв между концентрациями основных элементов ее производительных сил, позволяет существенно экономить на транспортных затратах, обеспечивает переход на инновационный путь развития всей Сибири и несет основную нагрузку по реализации новых интеграционных внутрироссийских и международных связей в направлении Средней и Центральной Сибири. В южно-центральной части Сибири относительно минимизированы политические, социальные, экологические, демографические и этнические риски. Такую позицию впервые высказал академик В.В. Кулешов, который оценил потенциал Сибири с позиций вызовов и угроз XXI века и сильных явлений турбулентности, которых не избежала и Россия.

Более реалистичный взгляд на потенциал северно-арктического и восточного векторов связан с событиями последнего времени (экономический кризис в России, спад производ-

ства и инфляция, обвальное сокращение цен на нефть и резкое снижение курса национальной валюты, негативное влияние западных санкций как на жизненный уровень россиян, так и на возможности реализации инвестиционных проектов). В этих условиях резко сокращается рентабельность добычи нефти и газа в Арктической зоне и на шельфе, она становится попросту убыточной. Возникли трудности с реализацией зарубежных технологий в шельфовой добыче – это одно из санкционных ограничений. Проблематичным становится реализация большинства крупных инвестиционных проектов, связанных с разработкой новых ресурсов Дальнего Востока и северных территорий, – крупные корпорации не имеют необходимых финансовых и инвестиционных ресурсов для этого, а возможности внешнего заимствования в современных условиях резко сократились. Вряд ли в условиях бюджетных ограничений государство пойдет на реализацию планов по территориям опережающего развития на Дальнем Востоке.

Все это повышает стратегическую значимость «центрально-сибирского» вектора развития Востока России и роль инициатив власти и бизнеса этих территорий по поиску новых источников экономического роста и реализации экономических маневров, способствующих адаптации хозяйства этих регионов к новым экономическим и геополитическим условиям. Так, в Новосибирской области в 2014-2015 гг. началась разработка программы реиндустриализации региона, в Красноярском крае – разработка концепции новой промышленной политики. Такие стратегические инициативы содержат в себе потенциальную возможность реализовать принцип, заключающийся в том, что всякий кризис – это не только проблемы и угрозы, но и шанс для структурных, инновационных и институциональных маневров.

О пространственной конфигурации российско-китайских экономических взаимодействий

При обосновании «дорожной карты» модернизации экономического пространства Сибири необходимо определиться с вектором ее внешней направленности: или она должна, как и ранее, ориентироваться на западный европейский вектор, или же – на восточный. Но в любом случае в реализации курса на укрепление связей России с Китаем и другими странами АТР должны произойти определенные корректировки.

Во-первых, хотя Китай занял первое место среди стран – торговых партнеров России и эта позиция была существенно укреплена после подписанных во время визита Президента РФ В.В. Путина в КНР в мае 2014 г. новых соглашений, масштаб экономических взаимодействий наших стран далеко не соответствует потенциальным возможностям. Пока не осуществлен переход от концепции роста торгово-экономических связей России и КНР (реализуемых в экспортно-импортных потоках) к концепции укрепления экономических взаимодействий по самому широкому фронту (совместные инвестиционные проекты, программы приграничного сотрудничества и т.д.). В китайских инвестициях в Россию преобладают «портфельные» инвестиции, существуют лишь единичные примеры реализации конкретных инвестиционных проектов КНР на территории Российской Федерации и российских инвестиционных проектов на территории Китая.

Во-вторых, и это самое главное, сложившаяся и ожидаемая с учетом подписанных договоренностей структура торгово-экономических связей Китая и России вряд ли может быть признана оптимальной с позиции российских интересов. Основная масса продукции, поставляемой из России в КНР, – это

топливо и сырье, в обратном направлении осуществляются поставки готовой продукции. Это отражено и в долгосрочной программе сотрудничества восточных регионов России с северо-западными провинциями КНР, в которой на территории Востока России должны быть реализованы проекты исключительно сырьевой направленности, тогда как на территории Северо-Востока КНР – проекты по созданию производств глубокой переработки сырья, инновационного машиностроения и т.д.

Поэтому нужно быть реалистами и откровенно признать: *такая направленность российско-китайских экономических связей в целом противоречит стратегическому курсу модернизации экономики Сибири* на основе развития здесь не только добывающей, но и мощной перерабатывающей промышленности (в том числе инновационной направленности), сельского хозяйства, качественного совершенствования транспортной инфраструктуры, создания условий для комфортного проживания населения и его закрепления в Сибири.

Не вызывает сомнения, что при обсуждении условий договоров и контрактов с Россией китайская сторона «творчески» и агрессивно использует сегодня в собственных интересах современный кризис во взаимоотношениях нашей страны со США, Канадой и странами Европы. Тем не менее «Газпром» и китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC в мае 2014 г. подписали контракт на поставку в Китай до 38 млрд куб. м газа в год на 30 лет. Поставки по газопроводу «Сила Сибири» предполагается начать в 2019 г., ресурсной базой для них станут Чаяндинское и Ковыктинское месторождения «Газпрома». Строительство газопровода началось 1 сентября, весь проект вместе с обустройством месторождений стоит

55 млрд долларов. Условия контракта (цена поставок газа) не разглашаются, но вряд ли они были особо благоприятны для российской стороны, которой к тому же придется за собственные средства соорудить всю инфраструктуру проекта.

Очевидно, что по интенсивности в ближайшее время российско-китайские связи будут сконцентрированы на восточном векторе пространственной конфигурации российского экономического пространства. Здесь налицо внимание центральной власти и крупного бизнеса России, но эти направления российско-китайского сотрудничества должны учитывать отмеченные выше вызовы, угрозы и ограничения.

Северно-арктический вектор уже длительное время привлекает особое внимание китайских властей и бизнеса. Достаточно посмотреть на состав иностранных делегаций на международных конференциях по развитию Севера и Арктики, Северному морскому пути. Наиболее многочисленны из них китайские делегации. Это вполне понятно, учитывая стратегическую значимость Арктики в современных условиях. Участие Китая в реализации проектов на арктическом шельфе и в циркумполярных широтах может состоять как в прямых инвестициях в освоение некоторых северно-арктических проектов и в поставках туда специализированной техники, так и в создании совместных российско-китайских компаний, связанных с транспортировкой и логистикой.

Мы полагаем, что серьезные перспективы имеет участие КНР в укреплении центрально-сибирского вектора пространственного развития России. Именно здесь могут быть реализованы неиспользуемые пока резервы научно-технического сотрудничества и взаимодействия двух стран.

Существуют два широко распространенных мифа о взаимодействии России и Китая («Китай – желтая угроза для России», «Сибирь – сырьевой придаток Китая»). Но чтобы эти мифы не превратились в реальность, нужно, чтобы российские и китайские ученые, политики и бизнесмены развенчивали эти мифы практикой реальных дел. Российская и китайская наука должны быть лидерами преобразований взаимодействия двух стран, разрабатывать стратегии научно-технологического сотрудничества и экономических взаимодействий, готовить предложения по «стыковке»

региональных политик двух стран с учетом новых совместных интересов, более активно формировать программы сотрудничества в сфере высшего образования.

Но одно ясно: нельзя Сибирь ставить перед дилеммой рыцаря на распутье: куда ориентироваться в своем развитии – на Запад или на Восток. Ей нужно продолжать интенсивные связи с Европой, усиливать взаимодействие со странами АТР (в первую очередь с Китаем), а также существенно продвинуться в сторону сотрудничества с Центральной Азией.

Список литературы

1. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. (2014). Дележ арктического пирога. Взгляд экономистов на текущую ситуацию / подгот. Я. Шкрыль // Совет директоров Сибири. № 4. С. 8-9.
2. Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е., (2013). Арктическая политика в эпоху глобальной нестабильности: опыт и уроки для России // *Регион: экономика и социология*. № 4. С. 61-94.
3. Селиверстов В.Е. (2013). Сибирь и ее регионы в экономическом пространстве России: позиционирование, перспективы, институциональные условия. Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития: сб. ст. / Сиб. фед. ун-т, Сиб. экспертный клуб. Красноярск: СФУ, с. 315-348.
4. Селиверстов В.Е., (2014). Три вектора пространственной конфигурации Сибири и Дальнего Востока и роль Китая на востоке России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. Т. 7. № 4. С. 49-64.
5. Селиверстов В.Е., Суслов Н.И., Унтура Г.А., Кравченко Н.А., Шмат В.В., Богомолова Т.Ю., Алексеев А.В., Баранов А.О., Суслов В.И., Клисторин В.И. (2014). Экономическая политика: нужны грамотные расчеты и четкие ориентиры // ЭКО. № 12. С. 36-62.